

Новая критическая теория или аналитический эмпиризм?

ROSA H. (2020). RESONANZ: EINE SOZIOLOGIE DER WELTBEZIEHUNG. 3. AUFL. BERLIN: SUHRKAMP. 815 S. ISBN 978-3-518-29872-5

Дмитрий Катаев

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии,
Институт истории, права и общественных наук, Липецкий государственный
педагогический университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского
Адрес: ул. Ленина, д. 42, корп. 2, г. Липецк, Российская Федерация 398020
E-mail: dmitrikataev@rambler.ru

«Если ускорение является проблемой современного общества, то резонанс — возможно, решением» — ключевой тезис «социологии отношения к миру», или «социологии хорошей жизни», Хартмута Розы, ставшей одной из самых ярких и неоднозначных критических теорий начала нынешнего столетия. Содержание, рецепция, критика концепции резонанса, результирующие дискуссии, ставшие поводом для возобновления «методологического спора о позитивизме» в немецком теоретическом поле, являются предметом рассмотрения настоящей статьи. Первая часть статьи посвящена рассмотрению концепции резонанса как теоретического инструмента новой критической социологии в качестве альтернативы господствующему в мейнстримной социологии ресурсно-ориентированному подходу, не способного измерить качество человеческой жизни и отношения «субъект — мир». Во взаимосвязи с другими работами автора проанализирован основной замысел Х. Розы — создание обновленной критической теории резонансных отношений. Для этой цели Х. Роза тематизирует диалектику нормативного и дескриптивного содержания резонанса и отчуждения как неотъемлемых элементов современных форм жизни и состояния человека, дихотомию «хорошей» и «плохой жизни», дифференциацию горизонтальной, диагональной и вертикальной «осей резонанса» и их роль в построении «отношения к миру». Во второй части освещены основные направления критики «социологии отношения к миру» и концепции резонанса. Особое внимание уделено новому «методологическому спору», так как именно он связан с другим проектом «большой теории» начала XXI века — «интегративной социологией» Х. Эссера, являющейся обновленной теорией рационального выбора, трансформировавшейся в аналитико-эмпирическую социологию в противовес новой критической теории Х. Розы. Наконец, в заключении будет предпринята попытка определения места обеих альтернатив с точки зрения традиции вебероведения, поскольку обе спорящие стороны явно и косвенно ссылаются на классика. Вопросы о том, является ли концепция Хартмута Розы новой социологической парадигмой, или же речь идет о разновидности социологической теологии, мы оставляем открытыми.

Ключевые слова: социология отношения к миру, резонанс, отчуждение, ускорение, критическая теория, методологический спор, вебероведение

Хартмут Роза, профессор Йенского университета, директор коллегии имени Макса Вебера в Эрфурте, является ярким представителем современной теоретической социологии в Германии. Как и другие выдающиеся немецкие социальные

теоретики, такие как Никлас Луман или Юрген Хабермас, он — заметная фигура в немецких медиа, участвующая в публичных обсуждениях. «Социология отношения к миру» с ее центральной концепцией резонанса стала одной из самых ярких и неоднозначных теорий начала нынешнего столетия. Помимо широкой огласки, многочисленных рецензий и откликов в прессе «Новая критическая теория» (как называют ее сам автор и его критики) стала предметом как минимум двух теоретических дискуссий. Во-первых, Х. Роза стал невольным (заочным) участником нового «методологического спора», или «спора о позитивизме» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*) (Wagner, 2019), получившего также название «спор Эссера — Хиршауера» (*Esser-Hirschauer-Kontroverse*) (Römer, 2019). Во-вторых, сама концепция резонанса и социологии отношения к миру подверглась серьезной теоретической ревизии.

Поскольку ни одна социально-теоретическая дискуссия в Германии не обходится без упоминания классика немецкой и мировой социологии Макса Вебера, то в юбилейный год (150 лет со дня смерти) релевантным для нашего рассмотрения является прояснение статуса веберовской исследовательской программы на фоне данных обсуждений, а также выяснение положения концепции Х. Розы с точки зрения вебероведения. Также одной из причин обращения к веберовской топике стали рецепция и (ре)актуализация классика как автором «новой критической теории» (причисление его к основоположникам социологии отношения к миру), так и его главным оппонентом Х. Эссером (апелляция к объективности «эмпирической науки о действительности», попытка предстать «модернизированным Вебером»).

Резонанс и «Социология отношения к миру»

Книгу «Резонанс: социология отношения к миру» (первое издание 2016 г.) следует рассматривать как продолжение, обобщение и концептуализацию монографий «Ускорение: изменения временных структур модерна» (Rosa, 2005), «Отношения к миру в эпоху ускорения: унтуры новой критики общества» (Rosa, 2012), «Ускорение и отчуждение: проект критической теории эпохи позднего модерна» (Rosa, 2013), а также других статей и работ, посвященных критике ускорения, общества экономического роста, отчуждения, овеществления и других центральных категорий социологии Х. Розы. В отличие от простой формы присвоения, идея преобразования (*Anverwandlung*) мира играет ключевую роль. Резонанс является именно «вспышкой надежды на трансформацию и реакцию в безмолвном мире» (Rosa, 2020: 750). Отправной точкой систематического проекта концепции резонанса остается ускоренное общество и сопутствующие изменения в субъективных отношениях к миру (*Weltbeziehung*), которые являются одновременно «следствием» и «причиной» ускорения (Ibid.: 14). Резонанс становится одновременно дескриптивным и нормативным термином, который может не только выявлять и критиковать существующие отношения к миру, но и предстает политико-этиче-

ской программой против ускоряющегося общества. Автор называет ее «социологией отношения к миру» (Ibid.: 20), а в равной степени — «социологией хорошей жизни».

Все работы Розы отличает необычный и оригинальный для социологии стиль, содержание и структура изложения. Работа содержит достаточно объемное введение, в котором автор формулирует основные идеи, раскрывает ключевые понятия, объясняет ход и логику исследовательской стратегии. Это относится, например, также и к трижды переизданному учебнику «Социологические теории» (Rosa, Strecker, Kottman, 2018), в котором история дисциплины рассматривается как рефлексия трансформационного дискурса (индивидуализации, доместикации, рационализации и дифференциации) в эпоху раннего, развитого и позднего модерна. Книга «Резонанс: социология отношения к миру» не является исключением. Первые 83 страницы посвящены довольно подробному рассмотрению ключевых понятий и определений, основным тезисам и идеям книги, которые в дальнейшем подробно рассматриваются и анализируются автором. Первую главу он посвящает основным элементам отношений к миру. Отношение к миру определяется не видом деятельности или объектами *per se*, а прежде всего миром опыта и способом его освоения, которые зависят, во-первых, от диспозиций субъекта (телесных, биографических, эмоциональных, психических и социальных), во-вторых, от институциональных, контекстуальных и физических конфигураций мира, и, в-третьих, от вида отношений между первыми двумя (резонанса и/или отчуждения как базисных категорий теории). Во второй части Роза довольно подробно анализирует горизонтальные, диагональные и вертикальные резонансные оси, для каждой из которых характерны резонансные сферы с обилием примеров из литературы, поэзии (15 источников в библиографическом описании), сообщений СМИ и т. д., с целью доказать, что социальная жизнь изобилует возможностями резонанса и в то же время их сокращает. В третьей части производится резонансно-теоретическая реконструкция модерна. Наконец, в четвертой автор переходит к формулировке критической теории отношения к миру, или к критике социальных условий удавшихся или неудавшихся вариантов подобных отношений к миру.

Главный тезис своей работы Хартмут Роза формулирует в начале книги: «Если ускорение является проблемой, то резонанс — возможно, решением», при этом он дистанцируется от роли «гуру замедления», которую, как он пишет, «невольно получил благодаря многочисленным выступлениям в СМИ» (Rosa, 2020: 13). Он очерчивает целый круг проблем, которые не способна решить современная ресурсно-ориентированная социология: «Бесцельная и нескончаемая необходимость ускорения ведет в конечном итоге к проблемному, нарушенному или патологическому отношению к миру субъектов и обществу в целом» (Ibid.: 14). Эти нарушения рассматриваются современной социологией как известные глубокие кризисы современности: экологии, демократии и индивидуальной психики. Первый связан с нарушением отношения человека с окружающей средой или природой; второй — с отношениями с социальным миром; третий — с патологией субъективного отноше-

ния к себе. Нарушенное отношение к миру — не только следствие необходимости ускорения современных обществ, но и одновременно причина; таким образом, мы имеем дело с усиливающимся, проблемным замкнутым циклом. Он определяет социальное ускорение как основной принцип и базовый опыт современности.

Согласно Розе, основной недостаток классической критической теории заключается в отрицании существующей повседневности и в том, что она не предлагает стандарты для хорошей и полноценной жизни. Этот недостаток он стремится устранить своей концепцией резонанса. Введение физического термина неслучайно, так как это способ быть связанным с миром через вибрации. По его собственным словам, резонансные отношения возникают через «процессы трансформации или взаимного «созвучия» (Ibid.: 282). Так что резонанс — это обратная связь между субъектом и миром. Успешная жизнь является результатом трансформации мира, «в которой субъекты не только позволяют прикоснуться к себе, но и в то же время... касаются других, то есть они могут достичь мира, взаимодействуя» (Ibid.: 283). Возможность резонансных переживаний совместно с другими людьми, а также при взгляде на природу или чтении стихотворения, свидетельствует, таким образом, об успешности жизни.

Х. Роза убежден, что концепцию резонанса мы можем использовать как теоретический инструмент критической социологии для осмысления существующих социальных условий. Отправной точкой данного подхода является понимание, что для полноценной жизни нам необходимы надежные и стабильные оси резонанса по всем трем направлениям — социальному, материальному и экзистенциальному (Роза, 2018: 44). Таким образом, то, в чем мы действительно нуждаемся, это последовательная критика условий существования резонанса, так как удавшаяся (полноценная) жизнь не находится в поле зрения современной социологии и, соответственно, не обладает инструментарием для исследования контекстов ее реализации. Цель, соответственно, сказать больше систематического и субстанциального об удавшейся (полноценной) жизни, не теряя почвы эмпирически обоснованной социальной науки, без дрейфа в сторону спекуляций, чистой философии, эзотерики или религии (Rosa, 2020: 19). Исследование предметного поля жизни (ее качества и полноценности) становится возможным через отношение к миру (Weltbeziehung), которое определяется двумя модусами: опытом мира (Welterfahrung) и освоением мира (Weltaneignung). Таким образом, социология отношения к миру операционализирует вопрос об удавшейся (полноценной) и неудавшейся (неполноценной) жизни как вопрос об удавшемся и неудавшемся отношении к миру.

Так что же такое резонанс? Однозначного ответа Хартмут Роза не дает. Резонанс, как и отчуждение, являются «основными категориальными понятиями систематической социологии отношения к миру» (Ibid.: 281). Это музыкальная метафора — камертоны, которые заставляют друг друга звучать и вибрировать. Применительно к человеческим отношениям в мире это означает: две сущности вибрируют, касаются друг друга, так что их можно понимать как «отвечающие друг другу, но в то же время говорящие своим собственным голосом, то есть как

«резонирующие в ответ». Резонанс может возникнуть с любыми объектами: между людьми и вещами, людьми и музыкой, людьми и природой, людьми и Богом или людьми и искусством. Резонансные отношения преобразуют субъект и мир, они ничего не оставляют без изменения. Понятие резонанса как метафоры подходит для описания качеств отношения и имеет чрезвычайно высокий потенциал для исследования всех сфер человеческой жизни, декларирует Роза. Поэтому он стремится разработать и обосновать резонанс как основное социально-философское понятие и как социально-научную категорию.

Дефиницию резонанса Роза дает лишь на 298-й странице книги и выносит в отдельную форму, и уже в оставшихся трех частях стремится описать отношение к форме жизни как резонансное. Итак, резонанс определяется четырьмя ключевыми элементами: во-первых, аффективным воздействием (*Af←fizierung*), т. е. чувством, что нас действительно что-то тронуло, и эмоцией (*E→motion*) как опытом ответного (в противоположность исключительно инструментальному) эмоционального движения личности; во-вторых, резонанс это не эхо, а реакция (обратная связь)¹. Эта реакция предполагает, что обе стороны разговаривают своим собственным голосом, когда затрагиваются «значимые оценки»². Резонанс подразумевает момент конститутивной недоступности. В-третьих, отношения резонанса предполагают, что субъект и мир в достаточной мере «закрыты», соответственно, они достаточно консистентны, чтобы говорить своим собственным голосом, и в то же время достаточно открыты, чтобы можно было на них аффективно воздействовать и их преобразовывать. В-четвертых, резонанс это не эмоциональное состояние, а модус отношения. Он нейтрален по отношению к эмоциональному содержанию. В многочисленных интервью, уже после издания книги, Х. Роза говорит о таких дополнительных характеристиках резонанса, как трансформирующий эффект, имманентная непредсказуемость и неподконтрольность.

С одной стороны, автор рассматривает резонанс как транскультурный феномен, потому что таковой присутствует в каждом человеческом обществе, с другой стороны, резонанс есть результат конкретной социокультурной ситуации (*Ibid.*: 255). Вследствие своей физической природы субъекты вступают в постоянные обменные отношения с окружающей средой посредством своих естественных процессов, таких как прикосновение, еда, дыхание, питье или контакт с другими субъектами, например, в любви, разговоре, смехе, плаче или в обмене взглядами (*Ibid.*: 83). Все эти моменты являются основополагающими для объектов. Кроме того, он привлекает результаты исследований зеркальных нейронов, чтобы подкрепить свой тезис о резонансных отношениях между миром и субъектом и подчеркнуть

1. В немецком Роза употребляет *Antwortbeziehung* (ответное отношение, однако в английском он использует *response* (реакция)).

2. Здесь сильное влияние на Розу оказал Чарльз Тейлор: «другой» должен быть пережит как источник «значимой оценки». Только в этом случае мы чувствуем, что у этого другого есть что-то важное, что он может нам что-то сказать или чему-то нас научить. В качестве «другого» могут выступать самые разные явления: человек, музыкальное произведение, гора или, например, историческое событие» (Роза, 2018: 43), см. подробнее: Rosa, 2020: 188ff.

антропологическую и биологическую основу резонансного процесса (Ibid.: 246). Если бы Роза поставил здесь точку, то его определение резонанса незначительно отличалось бы от его трактовки Н. Луманом: «Понятие резонанса указывает на то, что системы реагируют только в соответствии со своей собственной структурой на события окружающей среды» (Luhmann, 1988: 269), более того, «если бы не существовало селективности резонанса или сопряжения, система не смогла бы устанавливать различие относительно среды, и поэтому не существовала бы сама по себе» (Ibid.: 41).

Однако резонанс следует понимать не только как «дескриптивную концепцию» для «базовых человеческих потребностей и способностей» (Rosa, 2020: 293). Розу не устраивает понимание резонанса как «натуралистически замкнутого» понятия (Ibid.: 255) и для того, чтобы разработать социологическую концепцию резонанса, он концептуализирует свои наброски из более ранних текстов. Субъект может взять на себя «активную» часть резонансных отношений, если у него есть «ожидание самоэффективности». Он должен осмелиться вмешаться в мир, трансформировать и изменить его, не желая при этом его контролировать или подчинить. В то же время отношения с миром должны быть значимыми для субъекта «ради себя самого», «внутренние интересы» необходимы для резонансных отношений. Социальное признание и автономия остаются важными для развития обоих моментов. Другим условием является «согласованность» «значимых оценок» (Ibid.: 291) субъектов с их действиями. Значимые оценки — концепция, которую Роза заимствует у Тейлора — придают частям мира значение и определяют «утверждение и отрицание мира». В резонансных отношениях мир влияет на субъекта, так же как и субъект влияет на мир. Это «идея вибрирующего провода» (Ibid.: 279), в котором субъект и мир взаимодействуют друг с другом. Субъект подвержен влиянию мира как пассивного, в то время как эмоционально проявляет и выражает себя в активной роли. Будь то эмоции счастья или скорби — для ситуации резонанса это не имеет значения.

Чтобы выполнить свое собственное требование создания «социологии резонансных отношений», Роза разрабатывает целую систему различных резонансных сфер современности (Ibid.: 186). Предмет этой социологии отношения к миру — результат культурных картин мира, социальных практик, индивидуальных физиологических и физических диспозиций. Он различает «горизонтальное измерение» (межчеловеческое пространство) с резонансными сферами семьи, дружбы и политики, «диагональное» измерение, которое включает отношение к вещам в таких областях, как работа, школа, спорт или потребление, и «вертикальное измерение» (Ibid.: 331), куда относятся всеобъемлющие идеи или жизнь в соответствии с измерениями религии, природы, искусства и истории. В дальнейшем Х. Роза предпочитает говорить о социальных, материальных и экзистенциальных «осях резонанса» (Роза, 2018: 43). Кроме того, если в анализируемой монографии «оси резонанса» предстают как равнозначные, то уже в последующих интервью и статьях Роза считает приоритетными экзистенциальные «оси резонанса», по-

сколькx люди ищут и находят их» потому, что эти оси соотносят и связывают их с жизнью или бытием, или вселенной как таковой. В этих измерениях он выделяет свои специфические «потенциалы резонанса и отчуждения». С одной стороны, современность предоставляет повышенную вероятность резонанса, потому что она чрезвычайно повышает самоэффективность субъектов, — современность как «увеличение резонансной чувствительности» (Rosa, 2020: 624). Однако, с другой стороны, — именно (поздние) современные условия ускоренного общества ограничивают и предотвращают резонанс — таким образом, модерн представляет собой «историю катастрофы резонанса». Для подкрепления своего тезиса Роза привлекает множество авторов из философии, литературы и социологии. В области социологии он в первую очередь ищет связи с критикой политической экономии (Маркс, Лукач), ранней критической теорией (Беньямин, Маркузе, Фромм, Адорно) и другими классиками социологии (Дюркгейм, Зиммель, Вебер) (Ibid.: 517–599).

«Социальное... ускорение» является «ядром модерна, соответственно, модернизации и динамизации... материальных, социальных и духовных отношений, продолжающихся и по сей день» (Ibid.: 673). Это замыкает круг постановки проблемы во введении к работе. Ускорение в настоящее время систематически подрывает установление разнообразных резонансных отношений и создает состояние «динамической стабилизации», в котором у субъектов больше нет времени и стабильности фиксированных осей резонанса. Резонанс испытывается акторами только временно, на мгновение. В конкуренции между капиталистическими экономиками инструментальные отношения являются более значимыми по сравнению с резонансными для самоутверждения акторов. В таком обществе депрессия и выгорание все чаще бывают явлением «безмолвия мира», которое относится и к «психологическому кризису». Поэтому Роза заявляет: «Резонанс остается обещанием современности, но отчуждение является его реальностью» (Ibid.: 624).

Для «социологии отношения к миру» значимым является определение связи между резонансом и отчуждением. В начале книги связь между резонансом и отчуждением не определялась как диалектическая, отчуждение понимается исключительно негативно и представляется им дуалистически: как контраст с резонансом — либо отношение является резонансным, либо оно отчуждается (Ibid.: 163, 178, 199). В конце первой части книги этот подход претерпевает существенные изменения. Теперь Роза говорит о «диалектике резонанса и отчуждения» (Ibid.: 316). Резонанс возможен только применительно к той части мира, которая говорит своим собственным голосом, и обязательно идет рука об руку с моментами недоступности и противоречия. Способность резонировать основана на предыдущем опыте незнакомого, раздражающего и неподходящего, но прежде всего недоступного, чего-то, чего нельзя получить и ожидать (Ibid.: 322). Отчуждение преобладает, потому что только опыт отчуждения может привести к резонансу. Поэтому понимание Розой резонанса — это не чистая гармония или полная трансформация мира, всегда остаются моменты «непредсказуемого и неконтролируемого». Пар-

тнер обязательно должен оставаться контрагентом, так как трансформация мира возможна только в том случае, если есть что-то, что можно изменить.

Эта переоценка отчуждения также меняет концепцию резонанса: до сих пор этот термин всегда использовался для описания формы успешной жизни, отсюда и его чисто позитивный характер, за что его впоследствии критиковали как слишком простое и схематичное обобщение. Теперь Роза впервые говорит об «инструментальном резонансе», «идеологическом резонансе» и «резонансном моделировании» (Ibid.: 319), которые стоят на пути чисто положительного и прогрессивного определения резонанса.

Отношения отрицательного резонанса «либо вредны для самих субъектов, либо имеют нормативно нежелательные, и даже катастрофические побочные следствия» (Ibid.: 73). Для Розы соотношение резонансов играет важную роль, особенно когда резонанс превращается в инструмент «успешной» жизни в смысле успешного накопления ресурсов. Потому что здесь он подрывает свои собственные конститутивные условия, как бы объективируется и, таким образом, становится функциональным элементом отчужденных отношений с миром» (Ibid.: 319). Например, резонанс в трудовых отношениях или потреблении в значительной степени объективируется, и эти отношения уже нельзя назвать резонансными. Резонанс становится средством, ресурсом или инструментом для увеличения диапазона конкурентных отношений (Ibid.: 620, 674).

В конце своей книги, однако, Роза дистанцируется от различия между «отрицательным и положительным резонансом» и вместо этого предлагает, чтобы резонансные отношения «всегда воспринимались как принципиально позитивная форма встречи с миром, а отношения отчуждения... как переживания безразличия или переживания отталкивания» (Ibid.: 744). Безумное проявление насилия в конечном итоге является признаком отвратительного и инструментального отношения к миру, подобно тому, как национал-социализм устанавливает «фиктивный резонанс» (Ibid.: 371), поскольку вызван «патологией» последнего. Отношения между резонансом и отчуждением, как и отношения между резонансом и «фиктивным резонансом» или «резонансной патологией», остаются, однако, непроясненными.

Для экспликации основного тезиса и обозначенных проблем йенский профессор прибегает к методу: «(авто)биографического повествования», за который неоднократно подвергался критике со стороны представителей различных социологических направлений. Первый случай художников Густава и Винсента показывает значимость предмета хорошей жизни и недостаточность традиционных моделей объяснения (Густав концентрируется на ресурсах: подбирает холст, краски и др., и ему не хватает времени на выполнение проекта; Винсент, напротив, сразу же начинает выполнять проект на клочке бумаги и добивается успеха). Роза таким образом очерчивает проблемное поле социологии хорошей жизни. Утилитарная, ресурсно-ориентированная трактовка различных вариаций теорий рационального выбора, как и его количественное измерение, явно не предлагают удовлетвори-

тельного объяснения данного случая. Выделение и измерение индикаторов счастья вроде немецких три «G» (Gesundheit, Geld, Gemeinschaft): здоровье, деньги, общность (стабильные социальные отношения), или образования и престижа (Ibid.: 16), показывает лишь обеспеченность ресурсами, но не качество жизни, которое определяется отношением к миру. Для этого Х. Роза приводит второй случай. На примере Анны и Ханны автор концепции резонанса показывает, что в одинаковых *социальных ситуациях* (выделено Розой) и в одинаковых социальных условиях речь может идти о качественно различных социальных отношениях: есть две замужние женщины с детьми примерно одинакового возраста, с формально одинаковым стилем и способом ведения жизни: утро — работа — фитнес — дом. Однако Анна счастлива, и жизнь ее полна резонанса, а жизнь Ханны — нет. Значимость этого примера подчеркивается также Мартином Хартманом, который, пусть и несколько иронично, делает его ключевым в своем обзоре «социологии отношения к миру» Х. Розы: «Жизнь Анны полна резонанса... Ханна, напротив, чувствует себя потерянной... и в ее жизни нет резонанса. Основной тезис новой книги Розы можно резюмировать в этих нескольких словах» (Hartmann, 2016).

Для Розы такое повествование, во-первых, соответствует цели книги: «точнее выяснить сущность и природу осей резонанса и точнее определить их литературными метафорами» (Rosa, 2020: 26) и в целом прояснить биографически раскрывающиеся отношения к миру. Во-вторых, — благодаря этим ситуациям, а также третьему дихотомическому примеру с Дорианом и Адрианом (двумя братьями-близнецами, которые в одинаковых институциональных условиях социализации обнаруживают совершенно различные стратегии освоения мира) он показывает недостатки и ограниченность теорий рационального выбора (Ibid.: 31, 47, 60), относимых им к мейнстримной социологии. Адриан после окончания школы изучает юриспруденцию и становится прокурором, регулярно занимается фитнесом, он убежденный атеист с научной картиной мира, успешно спекулирует на бирже, во время отпуска отправляется в познавательные путешествия, в повседневной жизни предпочитает эффективность и надежность. Дориан, напротив, изучает искусство, германистику и историю, становится учителем, играет до изнеможения в футбол, играет в театре, католик, в повседневной жизни предпочитает личное взаимодействие и интимность.

Любой из описанных случаев будет рассмотрен ресурсно-ориентированной социологией в рамках предпочтения индивидуальной стратегии действия с точки зрения оптимизации ресурсов (Ibid.: 34). При этом в основе выбора, совершаемого в свободное время актерами, между посещением театра или игрой на бирже лежит один и тот же принцип расчета: в первом случае это эффективность вложения денежных средств, во втором — соображения признания и престижа. Результирующее же различие, связанное с «отношением субъект–мир», остается вне исследовательского поля мейнстримной социологии. Х. Роза убежден в невозможности измерить качество человеческой жизни опциями ресурсов, в то время как

основные направления социологии занимаются как раз измерением наблюдаемого неравенства и его субъективных оценок.

Социология отношения к миру представляется критикой исторически реализованных отношений резонанса и таким образом становится модифицированной и обновленной формой критической теории. Поэтому «концепция резонанса может преодолеть традиционное противостояние теорий и философий, основанных на идее идентичности, с концепциями, опирающимися на идею различия. Резонанс требует не идентичности, а преобразующего переживания различия» (Ibid.: 313).

Критика

Многочисленные комментарии, рецензии, критика и опровержение критики, дискуссии и отклики уже на протяжении четырех лет подтверждают, что книга «Резонанс: социология отношения к миру» стала ярким и знаковым событием в немецкой социологии. В конце книги Х. Роза сформулировал ответ потенциальным критикам и проблематизировал некоторые уязвимые моменты своей теории резонанса (Ibid.: 739–762). Это, однако, не уберегло автора от обилия критических выпадов в его сторону. Помимо рецензий в прессе, упоминаний в статьях социология с ключевой концепцией хорошей жизни стала предметом углубленного изучения в коллективной монографии «Резонансы и диссонансы. Критическая теория Хартмута Розы в дискуссии» (Peters, Schulz, 2019). Спектр оценок варьируется от признания его (вкуче с предыдущими работами) одним из основоположников концепции резонанса (Wetzel, 2017: 61) наряду с Н. Луманом, Ч. Тейлором и В. Миллером до обличения в «фельетонизме», «мессиянстве», «писательстве» и пр. Обобщая, выделим четыре направления критики:

1) *Избыточность понятия резонанса*. Резонанс предстает как всеохватывающая «магическая формула поздней современности», которая формулируется в ответ на несправедливость современности («отчуждение»). Зачарованный мир романтизма был как бы расколдован модерном, и теперь нам понадобится новое околдовывание этого самого мира, обычно изображаемого в виде позднего модерна. Ключевое понятие резонанса одновременно слишком перегружено и в то же время ограничено. Примеры вибраций в дружбе, общении, религии и литературе, феноменологический анализ дыхания, еды, голоса, взглядов, ходьбы, сна, смеха, плача и любви «растягивают» и размывают итоговые контуры ключевого понятия, отмечает М. Хартман (Hartmann, 2016). Академический наставник Х. Розы, философ Чарльз Тейлор (Taylor, 2017: 55), лояльно, но все же критично указывает на корни происхождения теории резонанса в языке романтизма. В данной связи такие выделяемые Розой имманентные свойства резонанса, как *непредсказуемость* и *неподконтрольность*, для сторонников его теории не имеют смысла и одновременно являются очень уязвимыми для его оппонентов. Действительно, переживание резонанса как такового может быть определено как непредсказуемое, или неподкон-

трольное, в плане его возникновения или не возникновения, но условия возникновения и появления резонанса могут и должны быть исследованы, как считает Д. Ветцель (Wetzel, 2017: 54). Попытка описать при помощи резонанса практически все социальные отношения, как и политико-этическое требование быть открытым для резонанса, послужили поводом для достаточно обоснованной критики за «мессианство». С. Витте в традициях психоаналитической культур-социологии анализирует концепцию резонанса как «обещание спасения» после «бесконфликтного, первоначального единства» (Witte, 2017: 291). Х. Эссер считает, что благодаря продолжению критической теории в сферах психоанализа и безрезонансного отчуждения на месте Розы можно представить себе Папу римского Франциска (Esser, 2019: 582).

2) Теоретические лакуны: *капитализм, господство, неравенство*. Роза не включает в структуру «Новой критической теории» понятие власти. Он обходится эмансипаторным требованием вернуть самоэффективность безвластным» (Rosa, 2020: 757) и вслед за Фуко поднимает вопрос, может ли власть производить резонанс, предотвращать его или принуждать к нему. Это замечание можно найти только в конце книги в качестве ремарки как ответ на возможную критику концепции. Справедливо в данной связи замечание Д. Ветцеля, что это не «чисто эмпирический вопрос, а вопрос теоретической архитектуры» (Wetzel, 2017: 54). Социологическая концепция резонанса должна включить власть в свою теоретическую конструкцию, чтобы достичь лучшей и более реалистичной способности диагностировать общества позднего модерна. По мнению Хартмана (Hartmann, 2016), если Роза видит себя последователем критической теории и предлагает ее новую форму, то игнорирование центральных для нее вопросов эксплуатации, неравенства, несправедливости, равно как и господства, недопустимо для этого направления. Сама постановка проблемы не соответствует основным постулатам и положениям классической критической теории, так как заявленная цель — выявление условий хорошей жизни, не соответствует классическому утверждению Т. Адорно о том, что «в неправильной жизни не может быть жизни правильной» (Адорно, 2000: 4), считает критик Розы. Это понятие не подходит критической теории в качестве ее ключевого термина, ибо неясно, что происходит с резонансными переживаниями в капитализме: усложнение или блокировка. Впоследствии Ханна Мейснер справедливо отметит, что резонанс обычно является привилегией определенных статусных позиций (белый-мужской-средний класс). Этой отсылкой к социальному неравенству и властным отношениям она подчеркивает значительный пробел в концепции Розы (Meissner, 2017). Другие противоречия современного капитализма также не находят места в новой критической теории. Тине Хаубнер (Haubner, 2017) анализирует концепцию труда Х. Розы с точки зрения ее взаимосвязи с капиталистическим способом производства. Несмотря на все отчуждение, в концепции Х. Розы наемный труд дает возможность испытать резонанс, кроме того, он не принимает во внимание международное разделение труда. Полноценный труд в его понимании — это «ремесленный идеал», далекий от ре-

лий глобального рынка труда. Даже нуклеарная семья и частная сфера насыщены отношениями власти и конкуренции и связаны с капиталистическими условиями производства. По словам Кристины Кирхгоф, Розе удастся не только «избегать темы собственности, но и уходить от более точного реагирования на критику политической экономии» (Kirchhof, 2019: 199), поэтому для критической теории концепция резонанса «чрезвычайно дружелюбна». Один из первых критиков концепции резонанса, известный публицист Миха Брумлик, в статье «Резонанс или конец критической теории» (Brumlik, 2016) выразил общую направленность подобных рецензий: критическая теория, которая пренебрегает социальным неравенством, анализом политической экономии и критикой идеологии, не приведет к фундаментальным изменениям в обществе.

3) «Нормативный монизм»: теория резонанса должна стать «метакритерием успешной жизни», таким образом она претендует на полную гегемонию: «Критика отношений резонанса не нуждается в дополнении отношениями признания, распределения, взаимопонимания, производственными и т. д., поскольку она уже их интегрировала» (Rosa, 2020: 749). Модель резонанса все же не соответствует обилию вариантов повседневного опыта, считает Хартман (Hartmann, 2016), и приводит несколько убедительных примеров из университетской жизни, когда резонанс не способен тематизировать разнообразие мотивов и биографических переживаний, подпитывающих внутренние различия. Созвучным является исследование каузального понятия резонанса по отношению к терминам других социальных теорий. Социолог Анна Даниэль противопоставляет резонансу концепцию практики. Акцент на практики является более плодотворным для различных исследовательских стратегий (Daniel, 2017: 90), так как для субъектов видимы и осязаемы только части мира (а не весь мир, как у Розы). Из-за этой дифференциации невозможно уместить всю множественность содержаний в одну простую формулу, подобную формуле резонанса (Ibid.: 97). Поэтому фокус резонанса необходимо пере-направить на различные практики акторов и таким образом включить в резонанс социальные процессы.

4) *Теория и эмпирия*. Одно из самых уязвимых положений «социологии отношения к миру» — это взаимосвязь теоретических конструкций и эмпирического обоснования. Кроме биографий, обращения к литературе и поэзии Х. Розе практически нечего привести в качестве эмпирического обоснования или исследовательской программы. Даже последовательные сторонники теории резонанса, не говоря уже об оппонентах, таких как М. Хартман, Х. Эссер, Й. Биски и других, отмечают недостаточность эмпирической базы, верификации и валидности этой концепции. Сам автор заявляет, что «резонанс и отчуждение являются в принципе вполне операционализируемыми понятиями» (Rosa, 2020: 752), поэтому во второй части он эмпирически и аналитически подробно определяет отношение к миру (Ibid.: 328) через резонансные сферы и резонансные оси (Ibid.: 331–516). В другом тексте (Rosa, Endres, 2016) он рассматривает свои исследования как эксплоратив-

ные, т. е. поисковые, разведывательно-аналитические и необязательно исчерпывающие, пытаясь заполнить эту эмпирическую лакуну.

Итак, «социология отношения к миру» является актуальной критической теорией позднего модерна, которая, как и любая теория, не лишена недостатков. Дальнейшее развитие и продуктивное применение, как считает один из сторонников концепции резонанса Д. Ветцель (Wetzell, 2017: 60–62), возможно, если: а) выйти за пределы социально-теоретического и феноменологического описания и включить этнографические наблюдения и групповые интервью в рамках отраслевых социологий; б) концептуализировать контуры понятия резонанса, преодолеть всеохватывающий мононормативный принцип; в) включить в дискурс резонанса ключевые для критической теории социальные феномены: власть, господство и капитализм. Эти задачи предстоит решить скорее в будущем, чем в настоящем.

Методологический спор в поствеберовской перспективе

Помимо широкой огласки, многочисленных рецензий и откликов в прессе «социология отношения к миру» с ее центральной концепцией резонанса вызвала интерес в рамках нового «методологического спора», или «спора о позитивизме» (Wagner, 2019), получившего также название «спор Эссера — Хиршауера» (Esser-Hirschauer-Kontroverse) (Römer, 2019), чьим невольным (заочным) участником стал Роза. Поводом послужило довольно скандальное учреждение в 2017 году «Академии социологии» на факультете социальных наук Маннгеймского университета, в качестве структуры конкурирующей с «Немецким социологическим обществом», самым многочисленным и известным профессиональным сообществом социологов в Германии. *Spiritus rector* этой академии, как считает главный критик академии и аналитико-эмпирической социологии С. Хиршауер (Hirschauer, 2018: 153), является Х. Эссер, а официальным директором — другой известный немецкий социолог — Т. Хинц.

Х. Эссер обосновывает учреждение академии и возвращение к аналитико-эмпирическому направлению «кризисом доверия» к социологии, «превращением науки в дискурс», в «производство литературы», в профессиональное написание книг (Esser, 2019: 574). Социология должна вернуться к критериям научности: к понятийной и теоретической точности, содержательности, к эмпирической проверяемости, доказательности (Ibid.: 567) и к другим положениям критического рационализма. На это способна лишь аналитико-эмпирическая социология с теоретической базой, основанной на методологическом индивидуализме (в эссеровской трактовке теорий рационального выбора) со стандартизированными моделями каузального объяснения и точностью измерений количественной методологии (Esser, 2018a, 2018b). При этом Эссер допускает существование в рамках аналитико-эмпирической социологии как социологических теорий, так и качественной методологии. Социальные теории должны быть также точными, верифицированными, эмпирически обоснованными, а не стремиться к «образованию понятий

ради понятий». Здесь следует явный выпад в сторону Розы, поскольку в статье Эссера на протяжении трех страниц обсуждался «Йенский проект» и его участники. Качественная методология имеет право на существование только тогда, когда она «методически контролируема», как в случаях натуралистической схемы Гемпеля-Оппенгейма в психоанализе или объективной герменевтики Овермана (Esser, 2019: 577).

Оппонент Эссера (и одновременно защитник Розы) С. Хиршауер (Hirschauer, 2018: 163) приводит не менее убедительные доказательства в пользу сохранения консенсуса о мультипарадигмальности социологии как в теории, так и в методологии. Образование «Академии социологии» и основные положения аналитико-эмпирической социологии — это вызов не только профессиональному сообществу, но и самоопределению социологии в Германии, превращение ее в социальную статистику на службе государственного управления и социальных институтов. Эпистемологическая нетерпимость и радикализация измерительных методик приведет не к самоутверждению, а к растворению предметного поля дисциплины. Качественная методология имеет такое же право на существование, как и направления количественных измерений.

Обсуждение ренессанса этих, ставших уже тривиальными, антиномий, таких как позитивизм vs. антипозитивизм, критический рационализм vs. конструктивизм, количественная vs. качественная методология, понимание vs. объяснение, как и самой аналитико-эмпирической социологии не имело бы смысла, если бы оно непосредственно не касалось бы «Йенского проекта», и прежде всего рассмотренной выше книги Розы «Резонанс: социология отношения к миру». На это указывает и сам Эссер в заключительной статье в сборнике «Великая трансформация. К будущему современных обществ» (Dörre et al., 2019) под редакцией Розы: «это действительно подходящая возможность продолжить дискуссию» (Esser, 2019: 574). «Социология отношения к миру» критикуется Эссером за тривиальность основных положений, широкий масштаб новой «большой теории» общества, метафизический и спекулятивный характер «идеалистической диалектики Гегеля» и «объективный идеализм Платона». Возмущает критика также и стиль изложения «аподиктически-дискурсивной социологии»: «мощное писательство», пронизанное утопизмом, фантазией и коммуникативными конструкциями в виде фельетонов и эссе (Ibid.: 583–584).

Направленность критики Эссера вполне понятна: его собственные попытки предстать «модернизированным Вебером», как и создание «интегративной, но не-редукционистской социальной теории», удались лишь отчасти. Неявное оппонирование Розе обнаруживается сразу в нескольких сферах. Рецепция Розой веберовского наследия выходит за рамки причисления классика к основоположникам теорий рационального выбора, заложившего основы понимающего объяснения модели макро-микро-макро-перехода. Основоположник немецкой социологии в его трактовке — это выдающийся диагност и критик раннего модерна. Во-вторых, собственная заявка Эссера на «большую теорию» (хотя он это отри-

цает и говорит об универсальной модели социологического объяснения) в начале XXI века не вызвала такого интереса, за исключением ограниченного круга социальных теоретиков, как резонансная «социология отношения к миру» Розы. В-третьих, ключевые послышки, теоретическое содержание, методология и даже стиль изложения у обоих авторов диаметрально противоположны.

Итак, обращение к (пост)веберовской топике в свете рассматриваемых антиномий и контроверз немецкой теоретической социологии имеет ряд оснований. Каждый из авторов двух полярных, претенциозных и наиболее известных «больших теорий» видит себя наследником и последователем веберовской понимающей социологии. Эссер апеллирует к веберовским требованиям объективности социальных наук и свободы от ценностных суждений, делая центральными в своей «эмпирической науке о действительности» целерациональное действие и модель каузального объяснения макро-микро-макро-перехода из «Протестантской этики» в русле теории рационального выбора. Х. Роза в своих немногочисленных ссылках на Макса Вебера, напротив, подчеркивает значимость концепта качественного исследования: «методически для него понимание субъективного смысла действия является важнейшим результатом интерпретации, какого только может достичь социолог» (Rosa, 2018: 55). При этом Роза нисколько не сомневается, например, что «резко звучащее и центральное понятие *харизмы* является понятием резонанса» (Rosa, 2020: 554). Харизма утверждает резонансные отношения во всех трех измерениях: появление Христа задействовало вибрации вертикальных осей резонанса, одновременно утвердило горизонтальные «оси резонанса» среди последователей, а также диагональные оси, когда способствовало пробуждению вдохновения для свершения (политических, религиозных или эстетических) дел. Похожим образом Роза перекодирует «расколдовывание» как «потерю резонанса», апеллируя к переводу этого понятия на английский как *disenchantment* (разочарование) (Ibid.: 550). Апокалиптические предупреждения Вебера о «железной клетке послушания» и «полярной ночи ледяной мглы и суровости» есть не что иное, как предчувствие катастрофы резонанса (Ibid.: 553). Он рассматривает классика как диагноста и критика раннего модерна, переосмысливает и переформатирует его ключевые идеи и концепции: «В процессе рационализации, который охватывает у Вебера динамическое распространение научного знания, технического превосходства, рационального управления, экономической деятельности, оптимизации повседневной жизни, отражается то, что я пытаюсь концептуализировать понятием «всемирного расширения» (Ibid.: 549). Даже протестанта с его внутримирской аскезой Роза включает в дискурс резонанса. Верующим протестантам отношение резонанса предстает как грехопадение. При этом Роза не перестает критиковать теории рационального выбора за одностороннюю интерпретацию целерационального действия и упрощенную, ресурсно-ориентированную модель каузального объяснения (Ibid.: 31, 60, 190, 587).

Включение Вебера в современные теоретические построения, рассмотрение его как предшественника теорий рационального выбора с их макро-микро-макро-

переходом или «социологии отношения к миру» с ее переформатированием рационализации в ускорение, безусловно, заслуживает внимания как ре(актуализация) наследия классика. В то же время обе рецепции не лишены изъянов. Подвергать полноценной ревизии вебероведческие изыскания Х. Розы не имеет смысла, так как он позиционирует себя как представитель другого интеллектуального направления, его работы содержат считаное количество ссылок на классика, и он преследует совершенно иные цели в своих исследованиях. В то же время следует отметить налет «нормативного монизма» в интерпретации классика действующим президентом коллегии Макса Вебера, когда он пытается охватить своей концепцией резонанса веберовские категории рационализации, бюрократии, харизмы, расколдовывания и пр. Его же замечание относительно того, что «встречается мнение, согласно которому тот, кто контролирует интерпретацию научных работ Вебера, владеет в целом социологическим исследованием» (Rosa, 2018: 52), не может не вызвать положительного отклика в стане (пост)веберизма.

Иная ситуация с Х. Эссером, который причисляет себя к последователям Макса Вебера, имплицитно и эксплицитно ссылаясь на его работы в целях теоретического синтеза и считая веберовскую парадигму одним из способов преодоления противоречия в подходах микро- и макросоциологии. В немецком вебероведении только Вольфганг Шлюхтер высказал осторожную положительную оценку попытки интеграции социологии Макса Вебера с моделью социологического объяснения теорий рационального выбора в интегративной, а впоследствии аналитико-эмпирической социологии Эссера. У него, пишет Шлюхтер, присутствует формально и содержательно чистый анализ модели каузального объяснения, но лишь одной ее стороны, так как нельзя объяснить «дух» капитализма лишь утилитарной расчетливостью акторов (Шлюхтер, 2004: 39, 40) (у Эссера это принцип предельной полезности). Томас Швинн, признавая общность отдельных посылок, также считает теорию действия Эссера неспособной раскрыть ценностно-рациональные мотивы, не говоря уже о ценностных сферах и порядках на макроуровне (Schwinn, 2006: 59). Его концепция не позволяет объяснить традиционное и ценностно-рациональное действия, которые выступают как заданные в социокультурном контексте. Также подвергается критике положение, что дефиниция ситуации реальных акторов происходит в силу выбора альтернативных ожиданий полезности. Тогда как в действительности определение модели и модуса происходит независимо от ожиданий полезности действующими акторами.

Дефиниция ситуации (селекция модели и селекция модуса) не является, как это доказывает Кристиан Энтцрот, ни простой, ни реалистичной (Entzrodt, 2006: 284, 285). Во-первых, теория действия Х. Эссера сконцентрирована на поиске законов в рамках анализа ситуации, т. е. на макроуровне в рамках теоретического рассмотрения и формулировки теорий. Однако многие социальные исследования стремятся также к герменевтическому и историческому объяснению. И здесь М. Вебер показал возможности теории и ее применения, эссеровская же теория действия, как полагает Энтцрот, неспособна к такому объяснению. Во-вторых, привержен-

ность Эссера теориям рационального выбора ограничивает его типологию действия. Вместо того чтобы подробно конструировать логические (рациональные) модели различных типов действия (традиционного и ценностно-рационального), он фокусируется на одномерной шкале рациональности. К. Энтцрот резюмирует, что модель социологического объяснения Эссера — не последний шаг в направлении создания общей теории действия, но это шаг в правильном направлении.

Прежде всего из-за односторонней теоретико-методологической основы (теория рационального выбора), в силу «априорного» положения о стратегическом рациональном действии, которое раскрывает логику взаимосвязи между акторами, подход Эссера нельзя назвать интегративным. Некоторые его критические выпады в сторону «Йенского проекта» и «социологии отношения к миру», касающиеся абстрактного теоретизирования и слишком широкого масштаба «большой теории», обратились, таким образом, и против него самого. Основные посылки концепции Эссера, как и сама продвигаемая им теория, остаются неизменными на протяжении уже более двадцати лет.

Противоположный характер интерпретаций веберовского наследия наглядно может быть представлен в таблице 1.

Таблица 1

Автор Линии сравнения	<i>Х. Роза. «Новая критическая социология»/социология отношения к миру</i>	<i>Х. Эссер. «Интегративная социология»/аналитико-эмпирическая социология</i>
<i>Направление вебероведения</i>	Сравнительная историческая социология/реактуализация наследия/веберовская исследовательская программа	Теория действия/применение веберовских исследований/аналитическое веберианство
<i>Методология</i>	Понимание «смысла», структурная феноменология универсальной истории	Каузальное объяснение, объективность социальных наук, предварительная функциональная постановка проблемы
<i>Ключевые темы исследования</i>	Процесс рационализации, расколдовывание, бюрократия и бюрократизация, харизма, этика	Теория действия, целерациональное действие, принцип предельной полезности, методологический индивидуализм
<i>Традиция интерпретации</i>	Франкфуртская школа, критическая социальная антропология Чарльза Тейлора	Теории рационального выбора, критический рационализм Карла Поппера, модель макро-микро-макро-перехода Дж. Коулмена

Заключение

Методологический спор о теоретическом плюрализме социологии в Германии, об ее основных задачах во многих своих чертах актуален и для российской социологической науки. Это даже не столько теоретический спор, сколько дискуссия

о перспективах развития социологии на национальном и провинциальном уровне. Х. Эссер во многом воплощает, как пишет С. Хиршауер, социологию «средних городов» (Mittelstadt) (Hirschauer, 2018: 159), которая вынуждена быть «точной» и «объективной», ориентироваться на заказчика (структуры государственного управления), использовать стандартизированные и понятные модели объяснения. Провинциальная социология в силу финансового и интеллектуального потенциала концентрируется на прикладных задачах, без теоретических изысков герменевтико-понимающей (креативно-конструктивистской) социологии. В этих условиях, которые схожи с нашими российскими, становится понятна и тональность «последнего из могикиан» Эссера, который предпринимает хоть какую-то попытку социологического теоретизирования. Очевидно, что маннгеймский профессор использует любую возможность (и он этого не скрывает) для того, чтобы заявить о значимости своей аналитико-эмпирической социологии (когда Эссер пишет, что любые понятия — это обозначения фактов, то в этом утверждении отчасти прослеживаются и веберовские мотивы)³. Практически в каждой своей статье он критикует «Немецкое социологическое общество» и «Немецкое научно-исследовательское общество» (DFG) за игнорирование прикладной социологии.

Методологический спор в немецкой социологии вскрыл, таким образом, две проблемы, актуальные и для нашей социологии. Первая, это теоретико-методологическая дискуссия между герменевтико-понимающей, конструктивистской социологией, преимущественно опирающейся на качественную методологию, и аналитико-эмпирической социологией, ориентированной на количественные исследования. Вторая, непосредственно связанная с первой, — это региональное неравенство «столичной» и «провинциальной» социологии. Очевидно, что аналитико-эмпирическая социология во многих своих (нео)позитивистских посылах критического рационализма середины прошлого века (научность, универсализм, объективность) не может претендовать на общетеоретический масштаб. Очевидно также, что дихотомические и уже ставшие тривиальными поляризации Эссера (научный/ненаучный, объективный/субъективный, понимание/объяснение etc.) вызваны не столько ортодоксальностью его воззрений, как пишет С. Хиршауер, сколько желанием привлечь внимание к проблемам эмпирической социологии и региональной науки. «Программные» заявления Эссера относительно «правильной» постановки проблемы Х. Розой в русле модели социологического объяснения теорий рационального выбора и макро-микро-макро-перехода в аналитико-эмпирической социологии, а также желание маннгеймского профессора «отвести достойное место» качественной методологии и социологической теории, если они будут точными, измеряемыми и достоверными, следует рассматривать не более чем неуместным сарказмом, или социологическим «стёбом», всерьез воспринятым немецкими СМИ и Хиршауером.

3. В исследовании «Аграрная история Древнего мира» Вебер писал: «...прогресс познания историка... достигается тем, что он мулом начинает пахать презираемых им экономических теоретиков и так приходит к ясным понятиям» (Weber, 1988: 113).

Аналитико-эмпирическая социология, как ее понимает Эссер, ориентированная на сбор «жестких», количественных данных, необходима социальной теории. Также не вызывает сомнения, что в плане ориентации на заказчика, практической направленности, понятной теоретической схемы и объяснения данных эмпирико-аналитическая социология имеет определенное преимущество как перед герменевтическим и конструктивистским теоретизированием, так и перед качественной методологией в региональном контексте. Однако выявленные еще в 2006 году теоретические и методологические проблемы «модели социологического объяснения» (Greshoff, Schimank, 2006) как в «интегративной социологии» в целом, так и в стремлении представить веберовскую социологию разновидностью и предпосылкой теорий рационального выбора не позволяют считать эссеровский проект социологически значимым направлением и серьезной теорией в немецкой социологии, на что неустанно намекает и претендует сам Эссер. Такие стигмы, как «социология средних городов» (Hirschauer, 2018: 159), для аналитико-эмпирической социологии (ремейка модели социологического объяснения в «интегративной социальной теории») и «аналитический веберизм»⁴ в этом контексте вполне оправданны.

Целью эмпирической «науки о действительности», по М. Веберу, на которого в данной связи довольно часто ссылается Эссер, является не столько каузальное объяснение, без которого не обходится ни одно научное исследование, а прежде всего понимание смысла действий индивидов в уникальных и культурно-специфических контекстах исторических явлений: «Социальная наука, которой мы хотим заниматься, есть наука о действительности. Мы хотим понять окружающую нас реальную жизнь, в которую мы поставлены, во всем ее своеобразии — понять связь и культурное значение ее отдельных явлений в их сегодняшнем виде, с одной стороны, и основания и причины их исторически Так-и-не-иначе-Ставшего-Бытия, с другой» (Weber, 1973: 170).

Социология отношения к миру Х. Розы, несмотря на то что он сам себя позиционирует как автор «новой критической теории», — это определенно большой шаг в направлении актуализированной С. Кальбергом социологической программы Вебера, включающей три постулата: образование понятий как рефлексия над переплетением прошлого и настоящего; мультикаузальность ориентации действий акторов; укорененность (контекстуальность) социального действия в конфигурациях этих ориентаций (Kalberg, 2016: 16). Х. Роза, как и С. Кальберг, рассматривает Вебера как макросоциолога, чей диагноз современности и концептуальные модели харизмы и бюрократии не утратили своей актуальности.

4. «Аналитический веберизм» — предпринятая Зенонасом Норкусом (Norkus, 2001) претенциозная попытка сближения экономики и социологии через преодоление как «аномалий» и «патологий» теорий рационального выбора, так и «антиинституционального» историзма экономической теории Макса Вебера, в том числе и ограниченности концепции рациональности действия. Вольфганг Шлюхтер в одноименной критической статье (Schluchter, 2004) показал несостоятельность такого подхода к интерпретации классика. Благодаря уничижительной критике Шлюхтера «аналитический веберизм» приобрел негативные коннотации в немецком вебероведении.

Тот факт, что «социология отношения к миру» явилась удобным поводом для возобновления методологической дискуссии между качественно-герменевтическим и количественным верифицирующим направлениями в немецкой социологии, оголив к тому же проблему центра и периферии социологического знания, подчеркивает неординарность и резонансность этой социологии. Критическая социология отношения к миру одновременно показывает недостатки и расширяет горизонты традиционного, ресурсно-ориентированного подхода к исследованию качества и образа жизни.

Х. Роза внес важный и весьма оригинальный вклад в современную социологию. Структура «социологии отношения к миру» имеет ряд структурных, содержательных и методологических недостатков. Несмотря на ограничения «нормативно-моделистического» свойства, нет никаких сомнений в том, что сфокусированный на резонансе подход Розы представляет собой одно из наиболее многообещающих событий в критической теории нашего столетия.

Литература

- Адорно Т.* (2000). Проблемы философии морали. М.: Республика.
- Роза Х.* (2018). Идея резонанса как социологическая концепция // Глобальный диалог. Т. 8. № 2. С. 41–44.
- Шлюхтер В.* (2004). Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 7. № 2. С. 22–50.
- Brumlik M.* (2016). Resonanz oder: Das Ende der kritischen Theorie // Blätter für deutsche und internationale Politik. № 5. S. 120–123.
- Daniel A.* (2017). Resonanz in der Praxis: eine praxistheoretische Betrachtung. Resonanz zwischen Systemtheorie und Kritischer Theorie // *Peters Ch., Schulz P.* (Hrsg.). Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion. Bielefeld: transcript. S. 87–105.
- Dörre K., Rosa H., Becker K., Bose S., Seyd B.* (Hrsg.) (2019). Große Transformation? Zur Zukunft moderner Gesellschaften: Sonderband des Berliner Journals für Soziologie. Wiesbaden: Springer VS.
- Esser H.* (2018a). Zwei Seelen wohnen, ach! In meiner Brust? Nicht nur eine «Stellungnahme» aus «gegebenem Anlass» // Zeitschrift für theoretische Soziologie. № 7. S. 132–152.
- Esser H.* (2018b). Engführung? Ergänzungen zu einem unerledigten Fall // Zeitschrift für theoretische Soziologie. № 7. S. 251–273.
- Esser H.* (2019). Situationslogik: Analytisch-empirische Soziologie und die Erklärung von sozialer Ungleichheit, gesellschaftlicher Dynamik und historischen Umbrüchen // *Dörre K., Rosa H., Becker K., Bose S., Seyd B.* (Hrsg.). Große Transformation? Zur Zukunft moderner Gesellschaften: Sonderband des Berliner Journals für Soziologie. Wiesbaden: Springer VS. S. 567–585.

- Etnzrodt Ch.* (2006). Handeln, soziales Handeln und Handlungstypen bei Weber und Esser // *Greshoff R., Schimank U.* (Hrsg.). Integrative Sozialtheorie? Esser — Luhmann — Weber. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. S. 259–288.
- Greshoff R., Schimank U.* (Hrsg.). (2006). Integrative Sozialtheorie? Esser — Luhmann — Weber. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Hartmann M.* (2016). Im Resonanzhafen bekommt die Welt ein anderes Gesicht. Rezension zu Hartmut Rosas Buch Resonanz. Eine Soziologie der Weltbeziehung // Frankfurter Allgemeiner Zeitung. 05.04.2016. URL: https://fazarchiv.faz.net/document/FAZ__FD1201604054795937 (дата доступа: 02.04.2020).
- Haubner T.* (2017). Auf der Suche nach Dingresonanz. Zum Verhältnis von Arbeit und Gesellschaftskritik in Hartmut Rosas kritischer Soziologie // *Peters Ch., Schulz P.* (Hrsg.). Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion. Bielefeld: transcript. S. 217–232.
- Hirschauer S.* (2018). Der Quexit: Das Mannemer Milieu im Abseits der Soziologie // Zeitschrift für theoretische Soziologie. № 7. S. 153–167.
- Kalberg S.* (2013). Deutschland und Amerika aus der Sicht Max Webers. Wiesbaden: Springer Fachmedien.
- Kirchhoff Ch.* (2017). Ein Kommentar zu Hartmut Rosas Resonanz theorie aus der Perspektive der kritischen Theorie Adornos // *Peters Ch., Schulz P.* (Hrsg.). Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion. Bielefeld: transcript. S. 195–212.
- Luhmann N.* (1988). Ökologische Kommunikation: Kann die moderne Gesellschaft sich auf ökologische Gefährdungen einstellen? Opladen: West-deutscher Verlag.
- Meissner H.* (2017). Ein anderes Subjekt ist möglich. Kritische Soziologie und der Blick an den Grenzen // *Peters Ch., Schulz P.* (Hrsg.). Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion. Bielefeld: transcript. S. 145–158.
- Norkus Z.* (2001). Max Weber und Rational Choice. Marburg: Metropolis.
- Peters Ch., Schulz P.* (Hrsg.). (2017). Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion. Bielefeld: transcript.
- Römer O.* (2019). Wissenschaftslogik und Widerspruch: Die Esser-Hirschauer-Kontroverse. Soziologehistorische und systematische Überlegungen zu einem Methodenstreit // Zeitschrift für Theoretische Soziologie. № 2. S. 220–244.
- Rosa H.* (2005). Beschleunigung: Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne. Frankfurt/M: Suhrkamp.
- Rosa H.* (2012). Weltbeziehungen im Zeitalter der Beschleunigung: Umriss einer neuen Gesellschaftskritik. Berlin: Suhrkamp.
- Rosa H.* (2013). Beschleunigung und Entfremdung: Entwurf einer kritischen Theorie spätmoderner Zeitlichkeit. Frankfurt/Main: Suhrkamp.
- Rosa H.* (2020). Resonanz: eine Soziologie der Weltbeziehung. 3. Aufl. Berlin: Suhrkamp.
- Rosa H., Endres W.* (2016) Resonanzpädagogik: Wenn es im Klassenzimmer knistert. Weinheim/Basel: Beltz.
- Rosa H., Strecker D., Kottman A.* (2018). Soziologische Theorien. 3. Aufl. Konstanz: UVK.

- Schluchter W.* (2004). Max Weber und Rational Choice // *Berliner Journal für Soziologie*. № 14. S. 561–575.
- Schwinn T.* (2006). Der Nutzen der Akteure und die Werte der Systeme // Greshoff R., Schimank U. (Hrsg.), *Integrative Sozialtheorie? Esser — Luhmann — Weber*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. S. 39–62.
- Taylor C.* (2017). Resonance and the Romantic Era: A Comment on Rosa's Conception of the Good Life // *Rosa H., Henning Ch.* (eds.). *The Good Life Beyond Growth. New Perspectives*. L.: Routledge. P. 55–70.
- Wagner G.* (2019). Ein Quexit in der Soziologie? Ein neuer Positivismusstreit spaltet die Soziologie. Deuten steht gegen Messen. Der Konsens über Methodenvielfalt scheint aufgebrochen. 23.01.2019. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/hochschule/methodenstreit-in-der-deutschensoziologie-16001226.html> (дата доступа: 02.04.2020).
- Weber M.* (1973). *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: Mohr.
- Weber M.* (1988). *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Tübingen: Mohr.
- Wetzel D.* (2017). Resonanz in der Soziologie: Positionen, Kritik und Forschungsdesiderata // *Breyer T., Buchholz M.* (Hrsg.). *Resonanz — Rhythmus — Synchronisierung*. Bielefeld: transcript. S. 47–64.
- Witte S.* (2017). In Liebe gebor(g)en: Heilsversprechen der Resonanz als Symptom für das Unbehagen in der Kultur Psychoanalytisch-kultur theoretische Anmerkungen zu Hartmut Rosas Soziologie der Weltbeziehungen // *Peters Ch., Schulz P.* (Hrsg.). *Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion*. Bielefeld: transcript. S. 291–310.

New Critical Theory or Analytical Empiricism?

Dmitry Kataev

Doctor of Sociology, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Theology, Lipetsk State Pedagogical Semenov-Tyan-Shansky University

Address: Lenina str., 42/2, Lipetsk, Russian Federation 398020

E-mail: dmitrikataev@rambler.ru

“If acceleration is a problem in modern society, then resonance is perhaps the solution” is the key thesis of Hartmut Rosa's *Sociology of Relationship to the World*, or “the sociology of the ‘good life’”, which has become one of the brightest and most controversial critical theories at the beginning of this century. The content, the reception, the criticism of the concept of resonance, and the resulting discussions which became the reason for the renewal of the “methodological positivism dispute” in German sociology are the subjects of this article. The first part of the article is devoted to the consideration of the concept of resonance as a theoretical tool for the new critical sociology, an alternative to the resource-based approach prevailing in mainstream sociology which is unable

to measure the quality of human life and the subject-world relationship. In conjunction with other works of the author, the paper analyzes the main idea of Rosa, that is, the creation of an updated critical theory of resonant relations. In doing so, Rosa thematizes the dialectics between the normative and descriptive content of resonance and alienation as integral elements of modern lifeforms and the human condition, the dichotomy of the “good life” and the “bad life”, and the differentiation of the horizontal, diagonal, and vertical “axes of resonance” and their role in building of “relationships to the world”. The second part highlights the main areas of the critical “sociology of relationship to the world” and the concept of resonance. Particular attention will be paid to the “methodological dispute”, since it is precisely this debate that is associated with another project of the “big theory” of the early 21st century, that of the “integrative sociology” of H. Esser, an updated theory of rational choice that was transformed into an analytical-empirical sociology as opposed to the new critical theory by Rosa. Finally, in the conclusion, an attempt is made to determine the place of both alternatives from the point of view of the Weberian-studies tradition, since both polemicists explicitly or indirectly refer to the classic. The question of whether Rosa’s concept of resonance is a new sociological paradigm or whether it is a sociological theology remains open.

Keywords: sociology of relationship to the world, resonance, alienation, acceleration, critical theory, methodological dispute, Weberian studies

References

- Adorno T. (2000) *Problemi filosofii morali* [Problems of Moral Philosophy], Moscow: Respublika.
- Brumlik M. (2016) Resonanz oder: Das Ende der kritischen Theorie. *Blätter für deutsche und internationale Politik*, no 5, pp. 120–123.
- Daniel A. (2017) Resonanz in der Praxis: eine praxistheoretische Betrachtung. Resonanz zwischen Systemtheorie und Kritischer Theorie. *Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion* (eds. Ch. Peters, P. Schulz), Bielefeld: transcript, pp. 87–105.
- Dörre K., Rosa H., Becker K., Bose S., Seyd B. (eds.) (2019) *Große Transformation? Zur Zukunft moderner Gesellschaften: Sonderband des Berliner Journals für Soziologie*, Wiesbaden: Springer VS.
- Esser H. (2018a) Zwei Seelen wohnen, ach! In meiner Brust? Nicht nur eine “Stellungnahme” aus “gegebenem Anlass”. *Zeitschrift für theoretische Soziologie*, no 7, pp. 132–152.
- Esser H. (2018b) Engführung? Ergänzungen zu einem unerledigten Fall. *Zeitschrift für theoretische Soziologie*, no 7, pp. 251–273.
- Esser H. (2019) Situationslogik: Analytisch-empirische Soziologie und die Erklärung von sozialer Ungleichheit, gesellschaftlicher Dynamik und historischen Umbrüchen. *Große Transformation?. Zur Zukunft moderner Gesellschaften: Sonderband des Berliner Journals für Soziologie* (eds. K. Dörre, H. Rosa, K. Becker, S. Bose, B. Seyd), Wiesbaden: Springer VS, pp. 567–585.
- Etnzrodt Ch. (2006) Handeln, soziales Handeln und Handlungstypen bei Weber und Esser. *Integrative Sozialtheorie? Esser — Luhmann — Weber* (eds. R. Greshoff, U. Schimank), Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 259–288.
- Greshoff R., Schimank U. (eds.) (2006) *Integrative Sozialtheorie? Esser — Luhmann — Weber*, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Hartmann M. (2016) Im Resonanzhafen bekommt die Welt ein anderes Gesicht. Rezension zu Hartmut Rosas Buch Resonanz. Eine Soziologie der Weltbeziehung. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 05.04.2016. Available at: https://fazarchiv.faz.net/document/FAZ_FD1201604054795937?offset=&all= (accessed 2 April 2020).
- Haubner T. (2017) Auf der Suche nach Dingresonanz: Zum Verhältnis von Arbeit und Gesellschaftskritik in Hartmut Rosas kritischer Soziologie. *Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion* (eds. Ch. Peters, P. Schulz), Bielefeld: transcript, pp. 217–232.
- Hirschauer S. (2018) Der Quexit. Das Mannemer Milieu im Abseits der Soziologie. *Zeitschrift für theoretische Soziologie*, no 7, pp. 153–167.
- Kalberg S. (2013) *Deutschland und Amerika aus der Sicht Max Webers*, Wiesbaden: Springer Fachmedien.

- Kirchhoff Ch. (2017) Ein Kommentar zu Hartmut Rosas Resonanztheorie aus der Perspektive der kritischen Theorie Adornos. *Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion* (eds. Ch. Peters, P. Schulz), Bielefeld: transcript, pp. 195–212.
- Luhmann N. (1988) *Ökologische Kommunikation: Kann die moderne Gesellschaft sich auf ökologische Gefährdungen einstellen?*, Opladen: West-deutscher Verlag.
- Meissner H. (2017) Ein anderes Subjekt ist möglich: Kritische Soziologie und der Blick an den Grenzen. *Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion* (eds. Ch. Peters, P. Schulz), Bielefeld: transcript, pp. 145–158.
- Norkus Z. (2001) *Max Weber und Rational Choice*, Marburg: Metropolis.
- Peters Ch., Schulz P. (eds.) (2017) *Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion*, Bielefeld: transcript.
- Römer O. (2019) Wissenschaftslogik und Widerspruch: Die Esser-Hirschauer-Kontroverse: Soziologiehistorische und systematische Überlegungen zu einem Methodenstreit. *Zeitschrift für Theoretische Soziologie*, no 2, pp. 220–244.
- Rosa H. (2005) *Beschleunigung: Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Rosa H. (2012) *Weltbeziehungen im Zeitalter der Beschleunigung: Umriss einer neuen Gesellschaftskritik*, Berlin: Suhrkamp.
- Rosa H. (2013) *Beschleunigung und Entfremdung: Entwurf einer kritischen Theorie spätmoderner Zeitlichkeit*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Rosa H. (2018) Ideja rezonansa kak sociologičeskaja koncepcija [The Idea of Resonance as a Sociological Concept]. *Global Dialogue*, vol. 8, no 2, pp. 41–44.
- Rosa H. (2020) *Resonanz: eine Soziologie der Weltbeziehung*, Berlin: Suhrkamp.
- Rosa H., Endres W. (2016) *Resonanzpädagogik. Wenn es im Klassenzimmer knistert*, Weinheim, Basel: Beltz.
- Rosa H., Strecker D., Kottman A. (2018) *Soziologische Theorien*, Konstanz: UVK.
- Schluchter W. (2004) Dejstvie, porjadok i kul'tura: osnovnye cherty weberianskoj issledovatel'skoj programmy [Action, Order, and Culture: Key Features of the Weberian Research Program]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 7, no 2, pp. 22–50.
- Schluchter W. (2004) Max Weber und Rational Choice. *Berliner Journal für Soziologie*, no 14, pp. 561–575.
- Schwinn T. (2006) Der Nutzen der Akteure und die Werte der Systeme. *Integrative Sozialtheorie? Esser — Luhmann — Weber* (eds. R. Greshoff, U. Schimank), Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 39–62.
- Taylor C. (2017) Resonance and the Romantic Era: A Comment on Rosa's Conception of the Good Life. *The Good Life Beyond Growth: New Perspectives* (eds. H. Rosa, Ch. Henning), London: Routledge, pp. 55–70.
- Wagner G. (2019) Ein Quexit in der Soziologie? Ein neuer Positivismusstreit spaltet die Soziologie. Deuten steht gegen Messen. Der Konsens über Methodenvielfalt scheint aufgebrochen. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/hoch-schule/methodenstreit-in-der-deutschensoziologie-16001226.html> (accessed: 02.04.2020).
- Weber M. (1973) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen: Mohr.
- Weber M. (1988) *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Tübingen: Mohr.
- Wetzel D. (2017) Resonanz in der Soziologie: Positionen, Kritik und Forschungsdesiderata. *Resonanz — Rhythmus — Synchronisierung* (eds. T. Breyer, M. Buchholz), Bielefeld: transcript, pp. 47–64.
- Witte S. (2017) In Liebe gebor(g)en: Heilsversprechen der Resonanz als Symptom für das Unbehagen in der Kultur Psychoanalytisch-kultur theoretische Anmerkungen zu Hartmut Rosas Soziologie der Weltbeziehungen. *Resonanzen und Dissonanzen: Hartmut Rosas kritische Theorie in der Diskussion* (eds. Ch. Peters, P. Schulz), Bielefeld: transcript, pp. 291–310.